

А.А. Пелипенко

Культура как полевое образование

Аннотация: В статье обосновывается авторская гипотеза о существовании культурного поля, во многом аналогичного биологическому полю. Т.е. культуры обладают определенным еще системно не исследованным энергетическим потенциалом. В рамках этого поля культуры осуществляют нелокальные взаимодействия и обмениваются социокультурным опытом.

Ключевые слова: культура, энергетическое поле, эволюция, нелокальные ментальные взаимодействия.

Речь идет о полевых свойствах культуры и ее структурно-операциональной единицы – смысла. Ничего неожиданного в такой постановке вопроса нет. О полевой природе культуры и смысла пишут довольно часто, что даже позволило достаточно ответственным авторам включить эти идеи в работы обзорно-реферативного жанра. «Смысл ведет себя как полевое образование, а логика находится в русле синтагматических отношений. Смысл приспособливает любую форму под свои функции, его главная интенция – быть выраженным, а логика определяется соотношением объективной реальности высказывания» [1]. Однако, помимо неизбежных разногласий по поводу того, что такое смысл вообще, здесь возникает и другая, более специфическая проблема. Те, кто пишет о полевых свойствах культуры и смысла, используют понятия поля скорее как метафору разной степени строгости, но скорее необязательную, чем научно обоснованную [2].

Движение к такому обоснованию стоит начать с наблюдений, лежащих буквально на поверхности. Так, достойно удивления, что историки, археологи, культурные антропологи и другие специалисты, выстраивают сравнительные и типологические ряды явлений и артефактов, не обращая внимания на громадную их разнесенность во времени и пространстве. Из кабинета ученого, культура рисуется таким проницаемым во всех направлениях гипертекстом, где тысячи лет и тысячи километров – не помеха для прямой преемственности форм, стилей, традиций, технологий. Однако, ясной постановки вопроса о том, каким образом те или иные сообщества «не сговариваясь», транслируют свой культурно-исторический опыт на пространственно-временные дистанции, явно недоступные для локальных форм коммуникации, найти не удастся. К примеру, верхнепалеолитические «венеры» – появляются, исчезают и затем вновь появляются в разных ареалах и в разное время, т.е. в условиях, явно исключающих «классическую» [3] (говоря физическим языком) форму передачи традиции их изготовления. Завороженные несомненным типологическим сходством артефактов, мифов, традиций, социальных институтов и т.д., исследователи понимают их типологическое родство как нечто

естественное, само собой разумеющееся, будто создатели всего этого пребывали в некоем общем культурно-смысловом пространстве. Если вопросы все же возникают, то наготове дежурный ответ: в сходных условиях формируются сходные культурные формы или, на более наукообразный лад, совпадение общих и частных законов обуславливает пространственно-временной изоморфизм культурных феноменов. Возможно, к некоторому узкому классу явлений это объяснение подходит. В остальных же – его просто не приходится рассматривать всерьез.

Но как в таком случае объяснить порой доходящую до почти полной идентичности, однотипность культурных форм в обществах, живущих в совершенно разных условиях. А для первобытности – даже состоящих из существ, относящихся к разным биологическим видам? Как объяснить необыкновенную устойчивость стереотипных социально-психологических реакций и поведенческих программ у тех или иных народов? Ведь, если, к примеру, наука не обнаруживает «ген рабства» (которого, скорее всего, действительно нет), то как передается из поколения в поколение рабская или какая-то иная социальная психология? Обычно исследователи-эмпирики объясняют возникновение тех или иных культурных форм уникальным сочетанием факторов. Но куда девается эта уникальность, когда данная форма начинает распространяться на территории, где действуют совершенно иные условия и факторы? К примеру, если выводить христианство из уникального сочетания факторов (иудейская пророческая традиция, эллинистическая философия и образование и некоторых других), то как объяснить его широчайшее распространение у народов, где этих факторов не было и в помине? Если передневозосточный неолит – уникальное следствие эко-климатических условий, в которых оказались носители натufийской или близкой ей культуры, то почему она не только распространилась, но и на тысячелетия закрепила там, где эко-климатические условия, не говоря уже об этно-культурном гумусе, были совершенно иными? Подобный вопрос возникает уже применительно и к самому антропо- и культурогенезу. Что является носителем кумулятивной динамики: ведь культурный опыт, как известно, генетически не наследуется? Объяснение культурогенеза как результата обмена опытом в ходе социальной коммуникации тоже не проходит: связанные эволюционной преемственностью первобытные микросоциумы в большинстве случаев меж собой не контактировали. Иногда уход от вопроса ретушируется невнятным выражением – диффузия идей. Так, к примеру, «объясняется» возникновение хозяйственной стратегии domestikации животных в Египте, гипотетически проникшей туда из Передней Азии [4]. Вопрос, однако, не в том, имели ли место в данном случае прямое заимствование или нет, а в том, что распространение культурного опыта на таких территориях и у таких народов, где впервые породившие его условия либо вовсе отсутствуют, либо представлены очень слабо – универсальное явление. Его одного достаточно не только для понимания несостоятельности объяснения системных характеристик культуры на основе факторного анализа, но и для осознания недостаточности представлений о локальной природе трансляции культурного опыта.

Налицо проблема: в культурах ясно наблюдается трансляция опыта в обход как генетических, так и локально-классических каналов. Необходимость выявления природы этого способа трансляции давно носится в воздухе. Но, есть ли объяснение? Интерпретация феномена однотипных смысловых форм у сообществ, разделенных непреодолимыми пространственно-временными дистанциями с помощью теории архетипов не столько проясняет проблему, сколько еще больше ее запутывает. Ведь онтология архетипа – до сих пор тайна за семью печатями. Непроясненность природы архетипов почти всегда придает апелляциям к юнгианству более или менее выраженный мистический привкус. Не свободна от этого привкуса и трансперсональная психология,

ближе всех подошедшая к постановке названной проблемы, но никогда, впрочем, не обсуждавшая ее в культурологическом ключе.

Иногда вдумчивый анализ вплотную подводит историков и археологов к догадкам о полевом характере трансляции культурного опыта, что побуждает их к поистине трогательным в своей непосредственности догадкам о том, например, что: «... идеи имеют крылья, и в III тыс. до н.э. в Западной Азии воздухе носилась идея цивилизации. В умах основателей Инда существовала, пусть абстрактная, модель цивилизации» [5]. Вот так: «абстрактная идея». Дальше идти боятся, да и просто не могут: позитивистская методология клеймит и осмеивает любые «абстрактные идеи» как мистические, антинаучные и вообще, несерьезные, не понимая, что пока «не абстрактным» и вообще существующим считается лишь то, что можно «пощупать», описать и измерить, о подходе к решению теоретических вопросов не может быть речи.

Объяснения, удовлетворяющего всем требованиям рационалистической доказательности, представить не могу. Но есть гипотеза. Состоит она в том, что Культура вообще, и локальные культурные системы (ЛКС) в частности, в глубинной своей онтологии представляют собой **полевые образования (структуры) в числе свойств которых – способность к нелокальным взаимодействиям**. Но, в каком значении здесь можно говорить о поле: в прямом или метафорическом? Если в прямом, т.е. естественнонаучном, то тогда культура должна обладать свойствами физических полей: гравитационных и электромагнитных. По-видимому, культурное поле такими свойствами не обладает. Если же допустить, что между прямым и метафорическим пониманием поля возможен некий паллиатив: метафорическое понимание с элементами относительно прямых соответствий или аналогий по отдельным признакам, то концепт культурного поля (КП) может быть признан вполне правомерным; ведь утвердился же, наконец, в науке термин биополя [6]. Для этого требуется принять более широкое, нежели физическое, определение поля, которое в самом обобщенном виде может быть обозначена как некая среда, в которой действуют определенного рода силы и излучения. При этом природа и функции этих сил и излучений вовсе не обязаны укладываться в законы гравитационных или электромагнитных полей, хотя некоторые параллели вполне возможны.

Не стану останавливаться на близких и дальних предтечах и родственниках возможной теории культурного поля (КП) от Платоновых эйдосов и Плеромы гностиков до философских интуиций Б. Рассела и А. Бергсона и физиков – Э. Шредингера, В. Гейзенберга, Д. Боме. Сюда же примыкают и теории, в совокупности тяготеющие к концепции «семантического космоса»: В.В. Налимова, Р. Пенроуза [7] и др. [8]. А уж «дальних родственников» от философов-идеалистов до основателей ТП – трудно даже перечислить. Можно ли сказать, что концепт КП имеет под собой твердую естественнонаучную основу? В настоящее время – еще нет. Но некоторые точки опоры уже просматриваются. Полевые свойства биосистемы – материнской системы для Культуры, – несмотря на упорное сопротивление механистического рационализма получили еще со времен Любищева и Гурвича права гражданства в науке. То же – и в отношении полевых проявлений активности мозга – связующего звена между био- и антропосистемой.

Одно из направлений исследований – синергетические механизмы автокорреляции молекулярных структур мозга в контексте термодинамики необратимых процессов. Так, согласно И. Пригожину, в равновесном состоянии молекулы ведут себя независимо, как бы игнорируя друг друга. Такое состояние автор назвал гипнонами или сомнамбулами [9]. С переходом в неравновесное состояние, гипноны возбуждаются, их взаимодействие становится когерентным, самосогласованным. Впрочем, «само» или не совсем «само» –

это еще вопрос. Однако, в любом случае, мозг, как молекулярный ансамбль, находящийся в неравновесном состоянии, приобретает полевые свойства. Такие, например, как усиление слабых сигналов разной физической природы при сохранении предельно низкого уровня собственных шумов. К сходным выводам, хотя и на ином экспериментальном материале приходил и нейрофизиолог К. Прибрам.

Идея КП корреспондирует со множеством концепций, теорий и представлений разнящихся как по своему содержанию, так и по методологии и научной валидности. Ряд авторов строят свои рассуждения в философской плоскости, другие – на основе естественных наук, где мост в гуманитарную сферу перебрасывается, главным образом, посредством наук психологических. Даже краткий обзор представлений о пресловутом «коллективном разуме» (био- и социоглюнных полях и т.п.) и соотносимых с ним концептов, предмет которых можно, так или иначе, представить в виде проявления КП, потребовал бы многих страниц [10]. А корректное взаимосоотнесение этих представлений и конвертация ключевых терминов – написания отдельной книги. Поэтому, здесь и далее по ходу эпизодического обращения к тем или иным теориям или концепциям, буду уточнять контекст и границы такого обращения.

Обобщая огромный массив материала, так или иначе свидетельствующий о полевым характере Культуры вообще и ЛКС, в частности, а также критически переосмысляя предлагаемые интерпретации этого явления, попробую обозначить несколько главных постулативных позиций. Некоторые из них могут быть в той или иной мере подтверждены экспериментально. Другие – лишь косвенно, по вторичным проявлениям. Большинство этих проявлений ускользают из «научной картины мира» и подтверждаются лишь суммой своих опосредованных проекций. Однако когда речь заходит о постулативных теориях, то недостаток прямых рационалистических доказательств, предоставляемых в соответствии с установленными «правилами игры» окупается расширением объяснительных возможностей предлагаемой теории. Иными словами, концепт КП, не будучи при современном состоянии науки в полной мере экспериментально доказан, подтверждает право на свое существование тем, что способен объяснять явления и феномены, которые признанные теории объяснить не могут или объясняют неполно и неудовлетворительно.

Итак:

- все эволюционирующие системы во Вселенной обладают полевыми свойствами. В этом утверждении нет ничего экстравагантного: достаточно вспомнить хотя бы то, что еще квантовой механикой середины прошлого века установлено, что вещество – есть ни что иное как сгусток поля,
- Культура, сопрягаясь с биосистемой, также проявляет полевые свойства, «Физическую» основу культурного поля можно представить как незримое пространство интенционально-энергетических потенциалов, пребывающее в постоянном самоизменении: перетекании, преобразовании этих потенциалов их сильных в слабые и наоборот. Изменения инициируются характером нелокального ментального взаимодействия человеческих индивидуумов – носителей нейродинамических систем, способных к продуцированию смыслов. Так переживание и осмысление группой людей некой таковости генерирует соответствующую психическую матрицу. Ее интенционально-энергетический потенциал в той или иной мере обладает свойствами нелокальности. Поэтому он способен транслироваться во времени и пространстве, считываться другими индивидуумами и группами и оказывать воздействие на их ментальную сферу. Культурные же практики – суть опредмечивание, овнешнение, актуализация этих матриц. Стоит ли в этой связи вспоминать бесчисленные примеры и описания того, как инновационные идеи

вспыхивают в сознании-приемнике, будто поступая в него извне в виде уже полностью завершенных моделей и образцов?

- энергии полевых процессов и взаимодействий в разных системах различаются не только количественно, но и **качественно**. Обладая разной «структурой», эти энергии эволюционируют вместе с их системами-носителями от более сильных и «грубых» до более слабых, но «тонких». Вообще, **структура энергии напрямую зависит от онтологии ее носителя**. Это обстоятельство и обеспечивает «ускользание» эволюционирующих систем от нарастания энтропии в соответствии с неумолимым вторым началом термодинамики [11]. Концепция, опирающаяся на представление о неоднородности Вселенной, перекликается с рядом научных и философских идей. Так, например, говорят о разновекторности функционирования физической реальности и культурного текста. Если реальность определяется возрастающей энтропией в необратимой стреле времени, то передающий информацию (ох, уж эта информация!) культурный текст, напротив, энтропию уменьшает. «Вещи увеличивают энтропию, а тексты увеличивают информацию» [12].

- полевые образования различаются прежде всего характеристиками действующих в них энергий, которые в смыслогенетической теории соотносятся с **интенциями**, структура культурного поля включает в себя сеть ячеек-носителей, преобразующих простые и менее организованные формы энергии (интенционально-энергетические потоки) в излучения культурно-смысловой индукции. Единичной ячейкой преобразования выступает человек как носитель ментально-психического аппарата смыслогенеза, включая и его (аппарата) нейродинамическую основу. При этом человеческая психика/ментальность вступает и излучателем, и приемником интенционально транслируемых импульсов и сигналов КП,

- гомогенность пространственно-временного континуума – не универсальная данность, а, как уже говорилось, всего лишь модус сущего, тогда как другой модус – полевой, проявляется в его (континуума) **гетерогенных свойствах**,

- гетерогенность полевого континуума культуры проявляется в различении потенциалов воздействия **смысловой интенциональной индукции** в разных пространственно-временных точках континуума.

Слово «смысловой» требует пояснения. Притом, что структурной единицей культуры является смысл сами смыслы в двуединстве своих интенционально-энергетических и семантико-семиотических модусов **не транслируются**; такая трансляция осуществляется лишь по каналам классических локальных взаимодействий. Полевые же каналы доносят до человеческой психики лишь прямые «эманации», интенциональные импульсы психические энграммы тех «таковостей» переживание которых сознание всякий раз облекает в конкретную смысловую форму. Границы этих форм и обуславливают локальность смысловых пространств культуры, тогда как глубинные интенциональные субстраты смыслов не знают в своем распространении пространственных границ. Иное дело, что факторы гетерогенности культурного поля (различия исходных потенциалов и неравномерность принимающей среды) влияют на интенсивность смысловой индукции; она может либо усиливаться до прямой передачи смысла вместе с его семантической формой, либо ослабевать до пренебрежимо малой величины, когда интенциональный сигнал просто затухает и не может быть считан.

В первом случае, в условиях максимальной проницаемости культурно-полевой среды, интенциональная индукция может проявляться в передаче и чтении мыслей на расстоянии, прекогниции и ретрокогниции, ясновидении, гипнозе и нек. др. Здесь,

впрочем, помимо проницаемости среды, важны и другие факторы: психо-ментальная релевантность настроек передающей и принимающей инстанций, достаточная сила исходящего интенционального импульса и устойчивость его квантовой энграммы.

Во втором, противоположном случае, сигнал, в силу своей слабости, размытости или нерелевантности психо-ментальных настроек передающей и/или принимающей ментальной системы (индивидуальной или коллективной) либо гаснет и не принимается вовсе, либо улавливается в форме смутных, неясных ощущений, замещенной образности, невыразимых интуиций и т.п. Примером последнего может служить замещенная образность сновидений, когда, отпущенная «в свободный полет» правополушарных перцепций психика, бессознательно считывает из психосферы конгломерат «информационных» матриц – полуоформленных паттернов имплицативного мира и «дооформляет» их, переводя на язык культурно-освоенной семантики. При этом полнота «перевода» широко варьируется. Вспоминается известная этнографам история о том, как некие туземцы впервые увидев лошадь, назвали ее «большой свиньей», поскольку в их языке слово «лошадь» отсутствовало. Т.е. значительно число интенциональных КП-импульсов не считается адресатом, ввиду отсутствия у последнего необходимого языкового «декодера». Сознанию, вообще, свойственно обманываться, принимая замещающую семантику за «оно само».

В большинстве же случаев по незримым каналам культурного поля передаются не сами смыслы в их семантико-семиотическом оформлении, но лишь некоторая предрасположенность к их образованию. Носителем же этой предрасположенности выступают квантовые энграммы – суть слепки однажды распакованных из имплицативных актов существования. Поэтому, говоря о содержании культурно-полевых импульсов, следует помнить о том, что речь может идти лишь о некоем субстрате, который адресату предстоит оформить в виде смысла. Передача же по культурно-полевым каналом «готовых» смыслов, как уже отмечалось выше, – особый класс ситуаций.

В цепочке: квантовая энграмма – смысловой субстрат – релевантный ему семантический конструкт особое значение приобретает процесс семантической фокусировки. Последняя – один из важнейших факторов психо-ментальных настроек. Семантизации смыслового субстрата различаются не только своим содержанием, но и условно говоря, степенью приближения к «оно само» – к субстрату. Тут, впрочем, возникает вопрос: если субстрат сам по себе не семантичен, то каким образом можно оценить меру семантического к нему приближения? Не будут ли любые семантические опосредования «равноудалены» от него? Ведь оценка релевантности производится с «нашего берега», берега сознания со всей его семантико-семиотической оснасткой. Можно ли вообще говорить о надежном критерии приближения к субстрату, не имеющему семантической формы? Зато, какой простор для мистического созерцания и символических фигур умолчания!

Итак, ключевым фактором, определяющим характеристики КП, равно как и само содержание интенционально-смысловой индукции, являются индивидуальные/групповые ментальные настройки. Они же определяют и функциональный режим участия человека в формировании специфического поля своей ЛКС, в процессе структурного конфигурирования излучающих или принимающих инстанций [13]. В действительности субъект культуры всегда является одновременно и тем, и другим: разнятся лишь соотношения этих функций.

КП пребывает в процессе перманентного самоструктурирования. Количественные и качественные различия в плотности поля, интенсивности и самого «содержания» смысловой индукции и разброс ее векторов, позволяет применять к описанию КП такие

характеристики, как центр и периферия. Проекция полевых отношений центра и периферии в культурную эмпирию предстает в виде паутины своеобразных смысловых узлов, «аттрактивных» семантических конструктов, «притягивающих» и организующих вокруг себя смысловую периферию. Такие узлы проявляют свойства структурообразующих центров, не только аккумулируя энергию входящих интенциональных импульсов. Преобразуя полученные интенциональные потенциалы они самостоятельно излучают КП-импульсы. Отношения центра и периферии здесь, как и во всех иных ситуациях структурного центрообразования, восходят к некой общей инвариантной формуле. Потому, и принято считать, что коллективные «архетипические идеи» и соответствующие им культурные формы живут своей самостоятельной жизнью, воздействуя на человеческую ментальность.

Со структурированием культурного поля тесно связан феномен партиципации – экзистенциального природнения. Акт переживания сопричастности во всех его ментальных модификациях с необходимостью порождает концентрацию интенционально-энергетического потока, рождении некоего интенционального сгустка которого резонирует в нейродинамической системе человека особым спектром волнующих и неизменно положительных ощущений. Вообще акт партиципации – это отправной момент структурообразования в культурном поле. С него начинается «перераспределение» и инновативное упорядочение условно распыленных интенционально-энергетических пучков и потоков.

Все названные положения имеют самое непосредственное отношение к формированию нового понимания культуры, к которому уже не раз устремлялась мысль самых разных авторов от К.-Г. Юнга до Б.Ф. Поршнева. Последний не случайно придавал огромное значение феномену суггестии, указывая на «некую тесную связь перволудей с окружающим животным миром, какую нынешний человек не может себе и представить» [14]. Именно эта «невозможность представить» иные ментальные конфигурации настройки блокирует полевой модус культуры от адекватного осознания. И потому, специалисты по древним культурам подчас с восхитительной прямоотой пишут, что «Для всех, рассматривающих процесс исторического развития материалистически, первостепенное значение при исследовании любого общества древности имеет реконструкция отношений, связанных с производством» [15].

А ведь, такие, к примеру, явления как гипноз, ясновидение и т.п. – это всего лишь видимая часть гигантского айсберга скрытых от сознания культурно-полевых взаимодействий. Обнаружение под внешней фактичностью ЛКС ее скрытой полевой основы – задача невероятно сложная и неблагодарная, ибо здесь конфликт с установленными в академической науке правилами игры, неизбежен. К тому же методы такого рода археологии полевых оснований культур пока совершенно не разработаны. Делая первые шаги в этом направлении, важно не поддаваться искушению свести формирующийся концепт КП к уже имеющимся в философии, теологии и мистике концептам типа «коллективного ума», «Вселенского Разума», «семантического космоса» и т.д. и т.п. И не потому, что они плохи сами по себе, а потому, что исследовательские задачи теории культуры требуют иного, т.е. своего особенного подхода и, соответственно, собственных терминов. Но, прежде всего, самый важный вывод из признания существования КП – наличие в культуре системы связей (сознательно не используя слово «информационных»), действующих в обход локальных (классических) каналов – пора включить в круг основных тем анализа любых ЛКС. Чем древнее изучаемая культура, тем большее значение имеет полевой фактор, ибо величина сектора нелокальной суггестии в человеческой ментальности обратно пропорциональна нарастающему в истории развитию левополушарных когнитивных техник и логико-пропозициональной организации

Концепт КП позволяет ввести в оборот категориальную для культурологического анализа пару: интенция и форма. **Интенция** – вектор, энергийная направленность на «вызывание» из имплицативного мира той или иной бытийственной определенности. **Форма** – явленность этой определенности, ее онтологический слепок в пространственно-временном континууме [16]. Отсюда – двойственная природа всякой формы: будучи слепком, проекцией интенционально-энергийного вектора, она сохраняет восходящую к квантовым уровням причастность к нелокальным полевым процессам и взаимодействиям, т.е. к всеобщему, холономному, универсальному. Но при этом, границы формы фиксируют ее особенные и единичные определения и локализуют в пространственно-временном измерении. Поэтому, вещам присуще неизбыточное внутренне напряжение, вызванное «неудовлетворенностью» глобальных эволюционных векторов **любими локальными формами своего воплощения в той или иной эволюционной системе**. Напряжение это, стало быть, не является аберрацией человеческих апперцепций, а явлением гораздо более глубоким и объективным. Человеческая ментальность лишь переводит его в смысловую модальность и потому, человек всегда стремится заглянуть за пределы вещи, увидеть за всякой формой нечто больше, чем она сама или, иными словами, партиципироваться не к конечной определенности, а к бесконечной интенции. А это – прямое участие в полевых процессах, которое принято связывать со стремлением человека к трансцендированию. Одним из наиболее явно концептуализованных проявлений борьбы начал под эмпирической «оболочкой» формы, каковой может быть и знак, и действие, и вообще, все, что является конечным носителем смысла, выражается в противостоянии архетипического и эктипического в терминах Канта. Юнговское психоаналитическое понимание архетипа в данном случае, – одно из возможных производных от кантовского философского. Не уводя разговор в область философской критики, отмечу: все, что в широком смысле связывается с трансцендированием – имеет прямое отношение к фиксации ментальностью своей вовлеченности в культурно-полевые процессы.

Фиксация интенционально-энергийных потоков в процессе формообразования порождает в каждой из систем свой тип первичных дискретных структурных единиц. Эти единицы – суть сгустки интенциональных потоков и полей, выступая интерференционными узлами торможения интенций, переводят потенциальные возможности существования в нечто, имеющее пространственно-временное измерение и, таким образом, предстают онтологическим субстратом сущего. В физической системе первичными единицами являются квантовые объекты, в биосистеме – живые клетки, в культуре – смыслы. Автономность свойств первичных единиц показывает порог дискретизации в каждой из систем. Т.е. за пределами дискретных свойств первоэлементов и выстроенных из них структур можно говорить о специфических полевых проявлениях, присущих данной системе. По мере усложнения систем, степень отпадения первичных единиц от изначальной холономной нераздельности нарастает. При этом всякий обособляющийся элемент или их внутренне взаимосвязанная группа включается в вариативное структурное комбинирование.

Общий принцип онтологизации состоит в том, что ни квантовые объекты, ни смыслы не существуют как нечто раз и навсегда определенное, устойчивое: «ни для кого» и «вообще», и как частицы микромира обнаруживаются в качестве таковых лишь для сознания наблюдателя, так и смысл рождается лишь в ситуации социальной коммуникации, даже если эта коммуникация представляет собой акт интроспекции (обращение сознания к самому себе). Лишь дискретизация потока спонтанной психической активности в акте сознания создает такой интенциональный импульс, который конституирует смысл как «объективный факт» культуры. Иными словами, любая

физическая данность или ее изменение становится чем-то налично проявленным, лишь обретая смысловую модальность и становясь событием (со-бытием) для сознания, которое наполняет эту данность смысловым содержанием.

Полевые свойства культуры обязаны своим существованием одной исключительной особенности человеческой психики – способности намеренно (хотя бы и в подсознательном режиме) фокусировать, генерируемые и излучаемые мозгом интенциональные потоки и направлять их концентрированный вектор в определенном направлении или в определенную пространственно-временную точку. Благодаря этой способности, человеческая ментальность, обретая волю и внимание (концентрацию на внеположенном объекте), качественным образом по сравнению с животными расширяет диапазон декогерирующих воздействий на определенный класс квантовых суперпозиций. Или, иными словами, человеческая психика/ментальность способна посылать декогерирующие интенциональные импульсы во внешний мир в гораздо более широком диапазоне, чем, чем другие биоорганизмы. При этом особенно важно, что меняется не только диапазон интенциональных импульсов, но усложняется, «утончается» и сама структура энергии этого типа интенциональности, что и позволяет говорить об особом рода полевых проявлениях – культурно-смысловых. Хотя, разумеется, никаких перегородок, отделяющих КП от полей других систем не существует; оно как бы прорастет сквозь поля материнских систем и сохраняя в себе глубокую от них зависимость. Но основой КП, повторю, является способность человеческой ментальности интенционально обращаться к широкому классу адресатов, как налично данных, так и чисто ноуменальных, перцепция которых не обусловлена напрямую как у животных какими-либо стандартными программами жизнеобеспечения. При этом, если речь идет о феноменах, порожденных материнскими системами (физической или биологической), то эти интенциональные обращения определяют содержание их культурного осмысления. К примеру, интенциональное обращение к Солнцу не может изменить его физическую природу; она сформировалась в физической системе с неизмеримо более сильными и «грубыми» энергиями. Физическая онтология Солнца, начиная с квантовых процессов декогеренции и рекогеренции, определяется суммой его взаимодействий с физическим же окружением. Здесь интенции ментальности могут формировать лишь смысловой концепт солнца для-культуры. О том, насколько важным и исторически значимым могут быть культурные концепты, не имеющие отношения к «объективной» природе вещей, думаю, говорить не нужно. Ведь то, что мы знаем об «объективной» физической природе Солнца – тоже не что иное как культурно-смысловой концепт, порожденный разве что не мифологическим, а сциентистским сознанием.

Но «у себя дома», т.е. в мире собственно культурно смысловом, энергии ментальных интенций вполне хватает не только для мощной суггестии на основе смысловой концептуализации, но и для **формирования самой онтологии культурных феноменов** в их, так сказать, объективном модусе. Иными словами, культурное сознание само творит культурную реальность, что придает культуре не только свойства саморазвивающейся системы, но и статус **субъекта**. Более того, введение любой физической данности в сферу культурно-полевых воздействий, порождает эффект **добавленной онтологии**: к предметности вещественной добавляется предметность культурно-смысловая, и обе они пребывают в диффузном смешении. Именно эта диффузность и позволяет при определенных условиях магически воздействовать на физическую природу вещей посредством КП-воздействий.

Все эти рассуждения о полевых свойствах культуры – не отвлеченная игра ума и беспредметная схоластика. Они подводят нас если не к решению, то по крайней мере, к гипотезе относительно двух исключительно важных проблем: первой – прямом участии

структур ментальности в формировании наличной реальности культуры и второй – нелокальных каналов трансляции смысловых субстратов культурного опыта. Если первая проблема носит скорее отвлеченно-академический характер, то о второй этого не скажешь. Необходимость хоть как-то объяснить исключительную устойчивость тех или иных культурно-психологических стереотипов, моделей и форм культурного поведения, а также прихотливую избирательность их исторического распространения, давно носится в воздухе. Полумистические образы «духа народа» и т.п. давно не в моде, а разговоры о том, что квинтэссенция культурного опыта «оседает в генах», не находя научного подтверждения, так и остаются необязательной метафорой. Обращение к юнговскому объяснению архетипа как результата бесконечно долго повторения одинаковых мыслей и действий, ничего по сути не проясняет: остается неясным как причина, побуждающая человека к этим повторениям, так и «проклятый вопрос» о каналах трансляции. Подозреваю, что в рамках традиционного сциентистского подхода этот вопрос неразрешим вообще. Но, в любом случае, феномен трансперсональности, концепт КП прояснить способен.

В чем же суть полевой гипотезы? Опираясь на сказанное выше, попробую сформулировать ее в виде кратких тезисов.

КП надстраивается над полями материнских систем – неорганической и биологической и оперирует потоками более слабых, но тонких и сложно структурированных энергий, нежели те, что действуют в материнских системах, свойства которых оно частично ассимилирует.

КП, таким образом, – это своего рода сектор или модус более универсальной полевой структуры, охватывающей, также и материнские для культуры системы: абиотические и биологическую. Примеры индуцирующих воздействий этого поля в биосистеме – социально согласованные, организованные будто извне и вообще «слишком разумные» действия живых организмов. Биологи привычно объясняют это проявлением инстинктов. Но это – не объяснение. Все существующие на сегодня теории инстинкта зашли в тупик, и сам этот термин так и остается иероглифом, не содержащим никакого объяснения. В свете медиационной гипотезы, инстинкт предстает устойчивым интенциональным каналом медиации организма с психическими матрицами. Причем, генетически закрепляется лишь сама амплитуда интенциональных потоков, так сказать, ширина и направление канала, лишь в самом общем виде фокусирующее содержание поведенческих программ.

В книге М. Кучиньского [17] наглядно показано, как сложнейшие программы поведения животных, в частности, птиц, никак не могут быть объяснены редуцированием их к инстинктивным «прописям». Не менее впечатляюще выглядит и описание поведения амёб; я не имею в виду ни центральную нервную систему, ни органов памяти, но выполняющих тем не менее сложнейшие социально-иерархические действия. То же – о муравьях, рыбах, моллюсках, не говоря уже о высших млекопитающих. Но очевидный эффект наводимой извне индукции почему-то упорно игнорируется. Складывается впечатление, что большинство исследователей готова принять любое иное объяснение, кроме полевого. Чаще всего, авторы, в той или иной мере зараженные духом биологизаторства, вменяют животным свойства человеческой ментальности, в частности, способности к логическим операциям. Так, зачатки транзитивной логики обнаруживают не только у крыс [18], но даже у рыб [19]. Акцентируя когнитивные навыки, в которых те или иные животные превосходят человека, биологизаторы не упускают случая козырнуть высказыванием Дарвина о том, что различия между мышлением человека и животных имеют не столько качественный, сколько количественный характер. Здесь мы наблюдаем присущую многим ученым-эмпирикам узость методологического горизонта. Если по

Гегелю «каждый видит только то, что способен понять», то здесь каждый находит только то, что ищет и интерпретирует найденное в заранее предпосланном виде. Желая обнаружить в животном мышлении логику, исследователь просто не видит, что животные не строят никаких каузальных цепочек и пропозициональных структур, а просто считают их элементы (прежде всего, конечный элемент) из некоей психической матрицы. Такая модель не приходит исследователям в голову, поскольку они в принципе не допускают мысли о том, что к нужному результату можно придти путем иным, нежели логический. Таким образом, имеет место экстраполяция «человеческого, слишком человеческого» на психику животных, чье поведение затем истолковывается в категориях мышления и поведения человека.

Смыслогенетический же подход состоит в том, что когнитивные способности любого живого существа зависят от режима считывания психических матриц (или энграмм), за которыми кроются незримые паттерны имплицативного мира – чистые потенциалы любого акта существования (события, действия или изменения) различающиеся лишь степенью вероятности своего воплощения. Режим считывания определяется, прежде всего, четырьмя факторами: силой и характером исходящего сигнала, структурой принимающего устройства, т.е. филогенией психики (для человека – и ментальности), индивидуальными психо-ментальными настройками и локальным психо-интенциональным контекстом – уровнем помех и проницаемости психической среды. При этом, человек качественно отличается от животного не содержанием и сложностью своих поведенческих программ как таковых, а самым способом считывания психических матриц. Вернее, тем, что человеческая психика, превращаясь в ментальность, выдает «на выходе» считывания. Специфически человеческий способ считывания, который сформировался вследствие эволюционной болезни в антропогенезе предполагает совершенно особенный способ дискретизации интенциональных потоков и формирование совершенно не присущей животному психизму когнитивной формы – смысла. Способность к порождению смыслов – не есть универсальное преимущество человеческого мышления над животным и не сводится ни к логике, ни к оперированию знаками. Более того, уровень интеллекта сам по себе не является достаточным условием смыслообразования: ни способность к абстрагированию, ни «понимание» чужих поступков (theory of mind), ни способность предвидеть поведение других, ни основы каузальных зависимостей или зачатки пропозициональной логики, ни объем рабочей памяти, ни навыки оперирования орудиями – сами по себе не порождают смысловых структур. Вот почему так легко купиться на внешнее сходство животного и человеческого поведения и сделать на этом основании «глубокомысленный» вывод об отсутствии качественной границы между человеком и животным.

Способность к смыслопорождению – не «ошибка природы», и не воля провидения. Это – ответ на эволюционный вызов. Ни больше, ни меньше. Но вызов не горизонтального, адаптивистского эволюционного направления, а эволюции вертикальной, выводящей на новый системный уровень. Ни одна новообразованная эволюцией система не наследует свойства и эволюционные наработки материнской системы в полной мере. Так и человек, становясь человеком, «взял с собой» далеко не все приобретения животной когнитивности, которые «могли бы пригодиться». Более того, утрата многих из них явились прямым условием очеловечивания. Поэтому, следует раз и навсегда избавиться от иллюзии, что развитие человеческой когнитивности начинается с той точки, где завершается развитие животной. Здесь мы имеем дело не с линейным процессом кумуляции сложности, ее простого количественного роста. Даже самые простые, по сравнению с фигурами животной когнитивности, смысловые конструкции, соответствуют принципиально новому качеству интенциональных потоков и, соответственно, более тонким, хотя и более слабым энергиям. Смысл – носитель энергии, творящей не

физическую, но культурную реальность – базовое условие и предпосылка направленного, избирательного структурного (но не синкретического, как у животных) усложнения фигур мышления и поведения, отделяющих человека от животного, а Культуру от биосистемы.

Итак, КП представляет собой гетерогенную среду, в которой действуют разные по своей силе, плотности, направленности и устойчивости во времени интенционально-энергетические потоки, генерируемые ментальностью человеческих индивидуумов или групп. Индивидуальная ментальная система – единичная ячейка-носитель культурного поля. Физическая основа интенциональных потоков и их нелокальные свойства имеют квантовую природу.

Помимо вышеназванных свойств, интенциональные потоки имеют также и субстрат культурно-смыслового содержания. Последний определяется прагматикой универсальной медиационной функции между имплицитным и эксплицитным мирами, которую в глобальном масштабе осуществляет интенциональность. Это содержание может быть представлено в виде шкалы онтологических состояний, различающихся степенью своей семантико-семиотической проявленности в ментальности человека (группы). Степень же проявленности зависит от таких факторов, как: сила и плотность исходящего интенционального импульса, уровень проницаемости культурно-полевой (интенциональной) среды, и психо-ментальных настроек адресата – принимающей ментальной системы. Поэтому, конкретность транслируемых смысловых субстратов варьируется в зависимости от названных факторов от самых общих и смутных интуиций до прямой и конкретной передачи смысловых конструкций.

В связи с подвижностью неустойчивость названных факторов и, прежде всего, психо-ментальных настроек индуцирующей и принимающей инстанций к проявлениям КП **нельзя применять критерии верификации, применяемые к физической и биологической системам.** Если в последних можно говорить преимущественно об **универсальных законах**, то в КП – **только о статистических** [20]. Поэтому, КП-воздействия всегда **неравномерны и избирательны**. В зависимости от комбинации факторов они могут либо восприниматься с разной степенью глубины и силы, либо отторгаться, либо вовсе не фиксироваться ментальностью и проходить незамеченными. **Предопределяя степень вероятности проявления тех или иных культурных феноменов или явлений, КП порождает гетерогенность культурной пространственно-временной среды.**

Гетерогенность же самого КП определяется способностью интенциональных потоков к уплотнению, фокусировке на тех или иных «якорях» [21] – ноуменальных структурах или физических реалиях эмпирического мира. Минимальной по энергетическому потенциалу структурной единицей КП является психическая матрица. Она – дискретная комбинаторная единица КП, его первичное образование. Когда же интенционально-энергетические сгустки, достигают определенного потенциала, они приобретают способность **самостоятельного индуцирующего воздействия на психическую и ментальную системы индивидуума/группы**. В околонучной традиции такие сгустки называют эгрегорами. Индукции эгрегоров проявляется в мощном, подчас почти непреодолимом внушении индивидууму/группе определенного рода идей, интуиций, умонастроений и т.п., которые, опять же, в степени своей проявленности варьируются от смутных устремлений решать те или иные проблемы в «указанном» диапазоне вариантов до предельно ярких и образно конкретных массовых галлюцинаций [22]. Именно в эгрегориальных индукциях, вероятно, следует искать разгадку императивности приходящих как бы извне моделей и образцов социального поведения для больших масс людей. Индукции эти, действуя поверх индивидуальных ментальных различий, отражают

субъектность самой культуры, подавляющей субъектность индивидуумов и действуют наподобие культурных инстинктов.

КП-образования имеют еще один важный параметр: характер и степень связанности с теми или иными эмпирическими реалиями. Любой смысловой конструкт, артефакт, территория и, наконец, сам живой организм могут выступать якорями, «связывающими» энергию культурно-полевых образований и аккумулирующие в себе их интенциональные потенциалы. Самым эффективным якорем является, разумеется, человеческий индивидуум (группа), поскольку только нейродинамическая система человека способна связывать наиболее сложные культурно-полевые образования без ущерба для их потенциалов и без их редукции. Причем этот «антропный фактор» по ходу истории усиливается. Если, к примеру, в первобытности, психические матрицы культурного поля могли почти с равным успехом «привязываться» к месту, предмету, событию, телу животного или человека, то по мере исторического становления человеческой самости, его ментальность все более становилась не только вместилищем и передающей инстанцией, но и самостоятельным генератором культурно-полевых интенций.

Психические матрицы и построенные на их основе другие образования КП – суть психосферные проекции паттернов имплицативного мира, их корреляты, находящиеся на разных уровнях эмпирического воплощения. При этом, чем полнее воплощение, «чем ближе» оно к конкретному смысловому оформлению, тем локальнее и дискретнее в пространственно-временных координатах соответствующее культурно-полевое явление. Напротив, паттерны имплицативного мира, которые лишь только «слегка вытягиваются» из имплицативного мира, и «содержание» которых еще рыхло и неопределенно, максимально сохраняют присущую паттернам имплицативного мира нелокальность и отсутствие пространственно-временных характеристик. Таким образом, можно сказать, что индуцирующее воздействие КП варьируется от крайне слабых, распыленных, но действующих «широким фронтом» на любую ментальную систему до воздействий исключительно сильных, сфокусированных, но точечных, строго локализованных во времени и пространстве и воспринимаемых только узко специализированной (настроенной) ментальной системой.

Физические каналы трансляции культурно-полевых воздействий ясно проследить пока невозможно. Но об «оседании» в генах явно говорить не приходится. Геном несомненно предопределяет предрасположенности к рецепции некоего спектра культурно-полевых воздействий. Не больше, ни меньше. Но вряд ли именно эти предрасположенности ориентируют человека/группу на следование тем или иным культурным образцам «при прочих равных» или даже актином противодействия социальной среды. Никто специально не вдалбливает в головы детям их «детскую мифологию» и «детский фольклор» вплоть до «архетипических ролевых игр» и страшилок. Для непредвзятого взгляда совершенно ясно, что здесь имеет место не научение в привычном смысле, предполагающее усвоение готовой внешней семантической формы, а интуитивное считывание культурно-полевой матрицы или, точнее, попадание под действие мощного эгрегора, когда детское сознание просто стихийно подбирает в окружающем семантическом пространстве минимально подходящую форму-оболочку для воплощения властно захватывающей ментальность программы. То же самое происходит и по достижению следующих возрастных стадий.

Концепция КП подталкивает к формулировке «главного вопроса культурологии»: как корреспондируют между собой когнитивные схемы человека и надчеловеческие ментальные конструкции культуры, в который индивидуум или группа выступают лишь элементом в системно-сетевой организмической структуре. Каков бы ни был ответ на этот

вопрос, концепция КП способна объяснять феномены, которые в рамках классических подходов не объясняются.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сергеев Д.В. Онтология культурного смысла. Новосибирск: Наука, 2009. С. 95.

[2] См. например: Пирс Дж.Ч. Биология трансцендентного. М.: Гаятри, 2006.

[3] Говоря о форме трансляции опыта, сознательно избегаю здесь употребления слова прямая, поскольку этим словом будет названо совсем иная и гораздо более «прямая» форма.

[4] Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М.: Наука. 1992. С. 127.

[5] Wheeler M. Early India and Pakistan. N.Y.: Praeger, 1959. P. 104.

[6] Имеется в виду, разумеется, не паранаучное понимание этого термина.

[7] Пенроуз Р. Новый ум короля. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

[8] На одиозной в глазах академической науки теории торсионных полей останавливаться не буду. И даже не в силу ее одиозности, а потому, что слишком уж удобна она для «преодоления» границы между эмпирическим и запредельным мирами. Так разрыв между микромирами снимается в этой теории с подозрительной легкостью, и, конечно же, посредством все тех же «универсальных» информационных взаимодействий.

[9] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 2000. С. 165.

[10] Теории, которые «с легкостью необыкновенной» берут быка за рога и заявляют, к примеру, что «существует универсальное космологическое торсионное поле, обеспечивающее нелокальное и атемпоральное информационное взаимодействие между всеми материальными объектами во Вселенной» (Лесков Л.В. Пять шагов за горизонт. М.: Экономика, 2003. С. 60), рассматривать не буду.

[11] На этот счет в эволюционных теориях, разумеется, существует множество точек зрения. См. об этом: Пелипенко А.А. Культура и смысл // Пелипенко А.А. Избранные работы по теории культуры. М.: Согласие-Артём, 2014.

[12] Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. II. М.: Аграф, 2000. С. 15.

[13] Примечательно, что взгляд на человеческий мозг как на своеобразный фильтр, защищающий его от неких, как сказали бы сейчас, трансперсональных психических воздействий, был присущ еще Н.И. Пирогову.

[14] Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. С. 353.

[15] Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. 1998.

[16] Как тут не вспомнить гегелевское определение качества как непосредственно тождественной бытию предмета определенности.

[17] Кучинский М. Жизнь — это мысль. Варшава: Альфа, 1997.

[18] Blaisdell A.P., Sawa K, Leising K.J. Waldman M.R. Casual Reasoning in Rats.// Science V. 311. 2006. P. 1020-1022.

[19] Gronsens I, Clement T.S, Fernald R.D. Fish can infer social rank by observation alone // Nature V. 445.2007. P. 429-432.

[20] Разъяснения насчет различия универсальных и статистических законов см., напр., у Р.Карнапа: «Вместо того чтобы утверждать, что регулярность встречается во всех случаях, некоторые законы утверждают, что она встречается только в определенном проценте случаев. Если этот процент указывается или если каким-либо иным образом делается количественное утверждение насчет отношения одного события к другому, то такое утверждение называют «статистическим законом». Например, «зрелые яблоки — обычно красные» или «приблизительно половина детей, рождающихся в каждом году, — мальчики». Оба типа законов — универсальные и статистические — необходимы в науке». Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. С. 39.

[21] Употребление термина якорь здесь нестрогое и не следует связывать его с лексиконом НЛП.

[22] Слово галлюцинация здесь не совсем подходит. Галлюцинация в строгом смысле не предполагает наведенности извне, а именно это в данном случае, и происходит.

© Пелипенко А.А., 2014

Статья поступила в редакцию 10 марта 2014 г.

*Пелипенко Андрей Анатольевич,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Московского психолого-социального университета.
e-mail: demoped@yandex.ru*